

Глава 19

После нескольких попыток Гу Чжэнцин постепенно вернул былую сноровку. Жёлтый утёнок упал в отверстие.

— Доставай.

Шэнь Чэнь присел и вытащил игрушку.

Выигрывать получалось не каждый раз, но по сравнению с юношей, процент успеха Гу Чжэнцина был значительно выше.

Их целью был градиентный шар, забитый в самый дальний угол. Чтобы добраться до него, нужно было одного за другим вытащить всех жёлтых утят, преграждавших путь.

Один за другим. Когда захват наконец смог подцепить добычу, Гу Чжэнцин спросил:

— Ну как?

— Внезапно моё уважение к Дяде стало подобно разливу Жёлтой реки, — с абсолютно серьёзным лицом ответил Шэнь Чэнь.

От такой лести у него в глазах заплясали звёздные искорки. Улыбка мужчины отразилась в зеркальной поверхности стены за автоматом.

— Хватит паясничать.

Сначала он подцепил пушистый шар крюком, вытаскивая его из угла. Дважды тот срывался. На третий раз ему удалось поднять его в воздух.

Это был круглый, пушистый шарик с длинным ворсом, на котором были вышиты лишь два смеющихся глаза.

Не животное, не персонаж известного бренда — безымянная, но очень красивая вещь.

Ещё до того, как она упала в отверстие, Гу Чжэнцин скомандовал:

— Доставай.

Шэнь Чэнь вытащил её, помял в руках, а затем, расстегнув рюкзак, тут же засунул внутрь.

Даже не показав Гу Чжэнцину.

Гу Чжэнцин, который с таким трудом её вытаскивал: ...

Так это было не ему.

Хотя он бы и не взял, но то, как Шэнь Чэнь тут же спрятал игрушку в рюкзак, словно боясь, что её отнимут, было... неприятно.

Шэнь Чэнь, видимо, купил много жетонов. В лотке оставалась ещё половина, на вид — больше сотни.

Гу Чжэнцин предложил ему забрать их и прийти поиграть в другой раз.

Юноша окинул взглядом игровой центр.

— Не хочу таскать. Доиграю и пойдём.

Гу Чжэнцин посмотрел на часы. Девять двадцать. Торговый центр закрывался в десять. Сорок минут, должно хватить.

Корзинка рядом с автоматом была полна жёлтых утят.

— Эти не нужны? — спросил Гу Чжэнцин.

— Одного достаточно.

— Ладно, — сказал Гу Чжэнцин. Увидев маленькую девочку, робко поглядывавшую в их сторону, он взял одного утёнка и протянул ей.

Девочка обернулась в поисках родителей, но те были увлечены разговором и не обращали на неё внимания.

Она закусила палец и, колеблясь, шагнула к нему.

Гу Чжэнцин сидел на корточках, протягивая игрушку, и мягко улыбался, не торопя её.

На самом деле их разделяло всего два шага, но девочка шла медленно, то и дело оглядываясь на отца.

Наконец, она протянула руку.

— Это тебе, — сказал Гу Чжэнцин.

Шэнь Чэнь стоял рядом и смотрел на него сверху вниз. Кажется, этот старик и вправду был довольно добрым.

— Спасибо, — прошептала девочка, взяла утёнка и тут же убежала обратно к отцу.

Гу Чжэнцин поднялся.

— Вот такие, как она, могут называть меня Дядей.

— И что, назвала?

— Она стесняется.

— Она стесняется и не называет, — подхватил Шэнь Чэнь. — А я не стесняюсь, поэтому могу называть.

Гу Чжэнцин лишь покачал головой.

«Это разве одно и то же?»

Он раздал остальных утят детям, игравшим неподалёку. Заметив, что та самая девочка всё ещё смотрит на него, он подошёл и дал ей ещё одного.

На этот раз отец заметил происходящее. Он инстинктивно приобнял дочь, но, увидев, что Гу Чжэнцин просто раздаёт игрушки, поспешно поблагодарил.

Сотня жетонов, казавшаяся большим количеством, закончилась быстро. Шэнь Чэнь оставил рюкзак в камере хранения, проткнул трубочкой лимонад, купленный Чжэн Цзыюем, и протянул Гу Чжэнцину.

— Будешь?

Гу Чжэнцин взял стакан.

— Это не вяжется с моим имиджем властного президента.

Парень, казалось, был здесь впервые. Он подходил к каждому автомату и читал правила.

Увидев детский автомат для рыбалки, он перекинул ногу через круглый стул, сел и бросил три жетона.

— Я тут на днях услышал одну фразу.

Гу Чжэнцин отпил лимонад.

— Какую?

Он нажал кнопку, чтобы забросить сеть, и поймал большую рыбу. Вращая ручку, юноша сказал:

— За выпендрёж молнией бьёт.

Раньше он не слышал этого выражения. Пару дней назад в школе кто-то так сказал про него, и фраза показалась ему довольно забавной.

Гу Чжэнцин не выдержал и пнул стул. Мальчишка, сидевший, закинув ноги на подставку, от толчка качнулся. Его ноги соскользнули на пол, а рука ослабила хватку.

— Не мешай, рыба уйдёт.

Обычно это Гу Чжэнцин говорил другим «не мешай». А теперь нашёлся тот, кто посмел сказать это ему.

Одна игра в рыбалку длилась три минуты. Гу Чжэнцин простоял рядом всё это время. Увидев, что Шэнь Чэнь собирается бросить ещё жетоны, он не выдержал:

— Может, выберем что-нибудь не такое детское?

Он убрал руку с жетонами и встал.

— Во что ты хочешь поиграть?

— Властные президенты не играют в игровых центрах.

Шэнь Чэнь снова сел.

— Тогда продолжим в это.

— Играть так играть, но в другое, — сказал Гу Чжэнцин.

Он не хотел больше смотреть, как Шэнь Чэнь ловит рыбу.

Возраст, когда он мог бы царствовать в игровом центре, давно прошёл. Мужчина огляделся, но ничего не привлекло его внимания. Заметив свободные места у гоночных симуляторов, он повёл Шэнь Чэня туда.

Лимонад поставили между ними.

— Пользуешься популярностью в школе?

Парень сжимал руль.

— Вроде того. У меня хорошие оценки.

— Да, это правда. И выглядишь неплохо.

Тот удивлённо посмотрел на него. Взгляд его можно было описать одной фразой: «С каких это пор в собачьей пасти начала расти слоновая кость?»

Гу Чжэнцин точно уловил его мысль, и ему захотелось врезать парню.

— Многим нравишься?

— Вроде того. Получал любовные письма, завтраки и всё такое. Но я помню, что у меня теперь есть хозяйин, так что, соблюдая профессиональную этику, просил Цзян Ияна всё возвращать.

Он пояснил:

— Цзян Иян — это тот желтоволосый, которого моя бабушка отлупила в полицейском участке. Теперь он мой сосед по парте. Если кто-то приносит завтрак, всё достаётся ему.

Надо отдать должное, на один вопрос он получал развёрнутый и, судя по всему, правдивый ответ. Это было приятно.

— Кто купил напиток?

— Одноклассник.

— Которому ты нравишься?

— Нет, он не говорил, что я ему нравлюсь.

Гу Чжэнцин: ...Нельзя его хвалить. Стоило похвалить, как он тут же заговорил, как заправский ловелас.

— Не нравишься, а покупает тебе напитки?

— Я заплатил.

Гу Чжэнцин: ...Точно. Поэтому и добавил в друзья.

— Ты хорошо знаком с этим одноклассником?

— Нет. Просто учимся в одном классе. Имени даже не знаю.

Гу Чжэнцин повернулся к нему. Шэнь Чэнь, решив, что тот не верит, пояснил:

— Правда не знаю. Он на уроках никогда руку не тянул.

В классе было больше пятидесяти человек. Учебный год начался меньше месяца назад. Шэнь Чэнь не старался запомнить всех по именам. Он знал только тех, кто часто отвечал на уроках.

С оценками Чжэн Цзыюя, когда учитель задавал вопрос, он, скорее всего, прятал лицо в учебник. Неудивительно, что юноша его не знал.

— Не знаком, а он стоял полчаса и смотрел, как ты играешь? — Гу Чжэнцин отвернулся к экрану и, крутанув руль, вошёл в красивый занос.

Шэнь Чэнь бросил на него быстрый взгляд. На этот раз в его глазах читалось: «У этого Дяди с головой не всё в порядке».

— Это общественное место.

Гу Чжэнцин: ...

И ведь не поспоришь.

— Ты не заметил, что нравишься ему?

— Он не признавался.

— А как ты определяешь, нравится тебе человек или нет?

— По признанию.

Гу Чжэнцин замолчал.

— А если кто-то тебя насильно поцелует, но не признается в любви, это считается симпатией?
— с любопытством спросил он.

— Нет. Это значит, что он просто хочет твоего тела и не собирается брать на себя ответственность. Бесстыдство.

Он многозначительно покосился на Гу Чжэнцина.

— Дядя, наверное, часто так поступает?

На экране появился кубок, возвещающий об окончании гонки.

— Ничего подобного, — цыкнул Гу Чжэнцин. — Я к каждым отношениям отношусь серьёзно и ответственно.

Шэнь Чэнь хмыкнул. Было очевидно, что он не верит, но, похоже, ему было всё равно.

Они успели потратить все жетоны до закрытия. Перед выходом из лифта Гу Чжэнцин позвонил водителю и попросил подъехать к входу.

В почти пустом торговом центре уже хозяйничали уборщики.

В зеркальной стене лифта отражались их силуэты.

— Ты привык у бабушки? — спросил Гу Чжэнцин.

— Вроде того.

Не привык, не приспособился. Но привыкает, приспособливается.

Выйдя из торгового центра, они подождали несколько минут. Дядя Ван подъехал к обочине. Шэнь Чэнь сел на заднее сиденье вместе с Гу Чжэнцином.

Ночь была сонной и тёмной. В салоне автомобиля, где сидели двое высоких мужчин, стало тесно.

Когда окно поднялось, Гу Чжэнцин уже не мог разглядеть лица попутчика, даже его очертания стали расплывчатыми.

Он опустил стекло. Тени от деревьев мелькали, ложась на его лицо прерывистыми, неровными пятнами.

Его запястье, лежавшее на краю окна, накрыла чужая рука. Гу Чжэнцин сначала удивился, а потом усмехнулся.

— Передумал?

В зеркале заднего вида можно было разглядеть, как один человек прижимает другого к углу. Что именно они делают, было неясно, но определённо что-то неприличное.

Дядя Ван тактично поднял перегородку, отделяющую заднее сиденье.

И без того тесное пространство сжалось, и воздух, казалось, накалился от повисшего в нём напряжения.

Но только Гу Чжэнцин знал, что даже в этой тесноте Шэнь Чэнь не прижимался к нему. Кроме запястья, их соприкасались лишь колени, и то по необходимости.

— Что за ребячество?

— Дядя, закрой глаза.

Гу Чжэнцин приподнял бровь. Ему было любопытно, что ещё выкинет этот парень.

Он послушно закрыл глаза. Стекло, к которому он прикасался тыльной стороной ладони, медленно поползло вверх.

Когда с его лица сняли очки, даже у Гу Чжэнцина, надо признать, сердце забилось чаще.

«Чёрт возьми, — мысленно выругался он, — надо же быть таким соблазнителем. Поверить, что у этого парня не было отношений, могла бы только собака»

Если бы только они оба не были против того, чтобы лечь под другого, он провёл бы с ним в постели хоть три дня.

— Что ты задумал?

За спину Гу Чжэнцина что-то подсунули. Шэнь Чэнь властно накрыл его руку, лежавшую сбоку, и прижал её к мягкой игрушке градиентного цвета.

Гу Чжэнцин застыл. По позвоночнику пробежал холодок, сменяющийся покалыванием.

В основном из-за осознания: этот малец взял его в оборот. Он безжалостно топтался по его самому уязвимому месту.

— Отвали.

Шэнь Чэнь согнутыми фалангами раздвинул пальцы Гу Чжэнцина, переплёл их со своими и заставил его с силой сжать плюшевый шар.

— Дядя, тебе хорошо?

<http://bllate.org/book/16010/1571625>